

О. Л. ЯРЕМЕНКО,
*профессор, доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник отдела экономической теории
ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины"*
(Киев)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ И НОВЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ГИПОТЕЗА

Доказан закономерный характер изменений во внешнеэкономическом позиционировании США под воздействием глобальных дисбалансов. Показано, что часть причин обострения торговых, финансовых и геоэкономических дисбалансов и конфликтов лежит в ценностно-институциональной плоскости. "Новый протекционизм" трактуется как попытка США восстановить потенциал субъектности, что выглядит как проявление исторического инстинкта самосохранения. Обоснован вывод, что новая модель глобализации продолжит процессы углубления положительной взаимозависимости, но на основе суверенной идентичности и социальной ответственности национальных государств.

O. L. YAREMENKO,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Leading Researcher of the Department of Economic Theory
Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine*
(Kiev)

GLOBAL IMBALANCES AND NEW PROTECTIONISM: AN INSTITUTIONAL HYPOTHESIS

The regular nature of changes in the US foreign economic positioning under the influence of global imbalances is proved. It is shown that part of the causes of aggravation of trade, financial and geo-economic imbalances and conflicts is within the value-institutional plane. "New protectionism" is interpreted as an attempt by the United States to restore the potential of subjectivity, which looks like a manifestation of the historical instinct of self-preservation. The conclusion is justified that the new model of globalization will continue the processes of deepening the positive interdependence, but on the grounds of sovereign identity and social responsibility of national states.

Сегодня наблюдаются быстрые и неожиданные изменения в функционировании и развитии глобальной экономики. Имеющиеся регулятивные инструменты субъектов не способны справиться с давлением неопределенности, которое усиливается за счет отсутствия четких представлений о месте и роли суверенных государств в глобализованном мире. Это справедливо даже для наиболее мощных субъектов всемирной хозяйственной си-

---

© Яременко Олег Леонидович (Yaremenko Oleg Leonidovich), 2017; e-mail: yaremenkooleg2@gmail.com.

стемы, в том числе для Америки. Как указано в обсуждаемом Докладе, либерализация международной торговли за последние десятилетия привела в США к потере рабочих мест и упадку тех штатов, в которых традиционно концентрировалась промышленная мощь страны. Ожидания относительно дальнейшей динамики национальной производительности в США неутешительны: реальный ВВП на душу населения в ближайшее десятилетие будет расти в среднем на 1%, а за 1 рабочий час – на 1,4% [1].

Траектория движения в теперешнем виде стихийно ведет США к потере позиций не только как главного субъекта глобализации, но и как такового в целом, поскольку именно они первыми сталкиваются с явлением исторического хаоса. То, что сегодня достаточно условно отождествляют с “новым протекционизмом”, – это попытка США почувствовать потенциал и границы своей субъектности, что выглядит как проявление исторического инстинкта самосохранения.

Непосредственная причина кризисных явлений – накопленные дисбалансы в распределении ресурсов и экономической власти в мировой экономике. Об их масштабах говорят следующие факты. В 2016 г., по оценкам специалистов, мировой ВВП по паритету покупательной способности составил 119,4 трлн. дол. В то же время по номинальному курсу национальных валют он оценивался в 75,7 трлн. дол. ВВП США в 2016 г. достиг 18,56 трлн. дол., следовательно, в первом случае он равен 15,8%, а во втором – 24,5% мирового ВВП *, то есть разрыв составил более 1/3. Речь идет не о статистических погрешностях или ошибках, а о наглядном фундаментальном расхождении между важнейшими показателями структуры распределения экономической власти в мире. Действующие механизмы принятия важных для экономики большинства стран решений фактически отождествляются с номинальной структурой, хотя распределение квот в МВФ формально ближе к паритетным показателям.

Невозможность функционирования государств и их финансовых систем по действующей системе институционального (легитимного) распределения власти и полномочий проявляется в беспрецедентном росте задолженности – как внутренней, так и внешней. Внутренний долг стран мира в 2016 г. составил 85 трлн. дол., то есть за год увеличился почти на 5%. Государственный долг в мире достиг в 2016 г. 60,3% ВВП, то есть вырос на 1,6 процентного пункта **. Это означает, что государство как институт претендует на больший массив общественных ресурсов, нежели это разрешено действующими нормами. Институциональные правила по получению и расходованию средств государством являются одной из главных составляющих общественного договора (contract social). Из-за нарушения баланса источников финансирования государство мутирует: больше внимания уделяется ответственности перед кредиторами, в том числе внешними, и меньше – перед налогоплательщиками. Это приводит к размыванию суверенитета.

---

* The World Factbook / Central Intelligence Agency [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/us.html>.

** Там же.

Следовательно, соответствующие составляющие общественного договора требуют пересмотра.

Совокупный внешний долг стран мира достиг в 2016 г. 75,74 трлн. дол. и продолжает расти на фоне спада мирового экспорта на 4% в год (в том числе в Китае — на 7,7%). Это означает, что возможности обслуживания этого долга сужаются. Глобальный левэридж не обеспечен глобальными активами и темпами экспорта, что свидетельствует о быстром росте глобального долгового риска. Долговая глобализация содержит в себе неизбежность финансовых кризисов и торговых войн.

Обычно в экономической литературе речь идет о дисбалансах мировой торговли и финансовых дисбалансах. Теоретические подходы к глобальным дисбалансам можно условно разделить на две большие группы: 1) экзогенный подход; 2) эндогенный подход. Первая группа представлена такими исследователями, как П. Кругман [2], О. Бланшар [3], А. Ферреро [4], А. Легг и Н. Прасад [5]. В соответствии с таким подходом, причины дисбалансов связаны с ошибками политики и текущими отклонениями в функционировании глобальных рынков. Пути преодоления дисбалансов лежат в плоскости более полной координации международного сотрудничества в глобальном масштабе, совершенствования регуляторных практик и более четкого согласования действий международных и национальных финансовых институтов.

Сторонники альтернативной — эндогенной — трактовки глобальных дисбалансов считают, что эти дисбалансы неразрывно связаны с финансовыми механизмами глобализации, и прежде всего — с кредитной экспансией и глубокими институционально-структурными изъянами, которые невозможно преодолеть в краткосрочной перспективе. Такого подхода придерживаются М. Обстфельд и К. Рогофф [6], К. Борио [7], В. Гец [8], А. Гриценко [8; 9], В. Сиденко [10], Т. Артёмова [11], О. Белорус [12]. На наш взгляд, целесообразнее начинать с выявления глубинных причин для дисбалансов и разрывов, чтобы потом уже переходить к анализу возможностей политики по их преодолению.

Необходимо обосновать целесообразность включения в теоретический анализ глобальных дисбалансов институциональной составляющей процессов глобализации в ее наиболее общем понимании — как системы правил и норм, снижающих неопределенность решений и их последствий в условиях глобальной конфликтности и фундаментальных изменений.

Важной характеристикой современного состояния обществ и хозяйственных систем являются процессы ценностной деструкции, изменения ценностных ориентиров общества. Это не случайно, поскольку без определенной нейтрализации ценностного иммунитета невозможно быстро согласовать важные стандарты и нормы поведения в глобальном ресурсном пространстве. Даже такой адепт быстрой глобализации современного общества, как Ф. Фукуяма, был вынужден отметить наличие двух разных идентичностей в современных Соединенных Штатах Америки — новой прогрессивной идентичности, в качестве символов которой выступают толерантность, политкорректность, свободный выбор ценностей, глобальная свобода движе-

---

ния идей, людей и старой традиционной идентичности, христианской по своему происхождению, которая базируется на труде, семье, личной ответственности человека перед Богом.

Ценностная деструкция приводит к ускорению сработанности институтов, что приближает дежурную волну институциональных перестроек с неопределенными результатами. М. Твену приписывают слова: “История не повторяется, она рифмуется”. Содержание институциональных перестроек может “рифмоваться” с волной этатизации индустриальных экономик 20–30-х годов XX в. (вплоть до тоталитарных практик) в условиях глубокой конфликтности, интенсивного перераспределения экономической власти, относительного снижения роли критерия эффективности в пользу критериев субъектности и идентичности.

В условиях глубокого кризиса глобального развития изучение феноменов ценностно-институциональной деструкции и влияний социальной неопределенности на фундаментальные ориентиры общества имеет важное значение для обоснования национального стратегического выбора. В современной институциональной науке сложились определенные подходы к теоретическому моделированию неопределенности экономической эволюции за счет привлечения данных современного природоведения, включая релятивистские подходы и термодинамику сложных систем. Такое расширение позволило приобщить к существующим факторам функционирования и эволюции институтов их информационные характеристики и возможности.

Большой интерес представляют современные прикладные исследования влияния факторов неопределенности на динамику глобальных финансовых рынков, инвестиций и эффективность регуляторной политики государств [13; 14; 15; 16]. Методологическая ценность такого подхода заключается в том, что появляется реальная возможность фиксировать новые эффекты и проявления неопределенности в контексте нереализованных ожиданий, глобальных технологических и структурно-институциональных сдвигов. Таким образом, созданы содержательные предпосылки для систематизации институциональных трактовок функционирования и развития хозяйственных систем в условиях неопределенности с учетом приведенных научных теоретических разработок.

На наш взгляд, первопричины сегодняшнего обострения торговых, финансовых и геоэкономических дисбалансов и конфликтов лежат в ценностно-институциональной плоскости. За последние 25 лет произошло быстрое расширение пространства экономической власти ТНК за счет новых технологий и инновационных финансовых инструментов. Конкурентное давление заставило ТНК двигаться в глобальное пространство, усваивать глобальные человеческие, природные и технологические ресурсы. Мировой капитализм привлекает к современным технологиям огромные массы людей с разными ценностями, предпочтениями и мотивами. На одном и том же ресурсном пространстве сошлись разные социальные эпохи и цивилизации, от архаичных и традиционных обществ до пост- и неомодерна. Их взаимо-

действие имеет признаки как “войны цивилизаций”, так и их взаимного обогащения и сотрудничества, о возможности чего писал еще К. Ясперс, обосновывая трактовку глобализации как возвращение “осевого времени”.

Повышение плотности глобальной среды усиливает взаимную зависимость и актуализирует фактор конкурентоспособности. Конфликтность мирового хозяйства обусловлена относительно низкой возможностью существующих правил и стандартов. Как показывает опыт институциональной эволюции, такая конфликтность может предшествовать интенсивному генезису новых институтов.

Но пока этого не произошло, выход из состояния опасной конфликтности возможен лишь при условии более-менее определенного и устойчивого распределения экономической власти между сторонами конфликтов.

В научной литературе дисбалансы отождествляются с состоянием неравновесия или близким к нему *. В теоретической механике дисбаланс рассматривается как расхождение между осью симметрии и осью вращения ротора, что приводит к вибрации всего устройства. Такая аналогия может в чем-то быть полезной для понимания фактора расхождения между вектором фактического распределения ресурсов и экономической власти в глобальной экономике и вектором существующих формального и неформального порядков принятия глобальных решений. Расходы на поддержку существующего формального распределения полномочий в таких условиях возрастают, а побочные эффекты в виде глобальных “вибраций” становятся все опаснее. Одним из практических выводов такой аналогии может быть признание полезности ослабления слишком жесткого сочетания составных частей глобальных механизмов, что может быть достигнуто путем суверенизации, локализации и регионализации ответственности и ресурсов.

За основу анализа глобальных дисбалансов как проявления особого состояния институциональной системы взята гипотеза “главной последовательности” социальных механизмов снятия неопределенности хозяйственных систем, которую автор обнародовал в 2016 г. в докладе “Доверие как информационный процесс” [17]. В соответствии с этой гипотезой,

$$Q = F[f_1(V), f_2(I), f_3(T), f_4(R), f_5(r), f_6(i)] + S_1 + S_2, \quad (1)$$

где Q – совокупный потенциал неопределенности среды хозяйственной системы; F – функционал совокупной способности хозяйственной системы к целостному поведению; $f_1(V)$ – потенциал согласования ценностей V ; $f_2(I)$ – потенциал согласования, присущий институтам I ; $f_3(T)$ – потенциал согласования механизмов доверия T ; $f_4(R)$ – потенциал согласования механизмов выбора R ; $f_5(r)$ – потенциал согласования механизмов риска r ; $f_6(i)$ – потенциал согласования механизмов инноваций i ; $S(S_1, S_2)$ – остаточная неопределенность хозяйственной системы, состоящая из двух компонентов:

S_1 – остаточная неопределенность хозяйственной системы первого рода, то есть такая, которая в принципе может быть преодолена на достигнутом мировом уровне институционально-технологического развития;

* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://biznes-prost.ru/disbalans.html>.

S_2 — остаточная неопределенность хозяйственной системы второго рода, которую нельзя снять с помощью существующих технологий и социальных механизмов.

Поскольку данный вид неопределенности связан с открытостью любой социальной системы внешней среде природных процессов и явлений, в которой впоследствии растет энтропия, то включение фактора времени t в качестве независимого аргумента в исходную модель необходимо. Сразу скажем: такое представление является упрощенным, потому что абстрагируется от взаимосвязей между этими механизмами, а это добавляет во всю модель снятия неопределенности еще один вид эндогенной остаточной неопределенности S_3 .

Иерархичность фундаментальной структуры хозяйственной системы проявляется в том, что потенциал упорядочивания отдельного социального механизма формируется лишь на основе реализованного потенциала более глубокого “предыдущего” механизма, начиная с ценностей. Соответственно, деструкции более глубоких иерархических элементов могут парализовать действие следующих элементов системы снятия неопределенностей (по схеме “потому что в кузнице не было гвоздя”). Тогда социальный механизм, который не до конца отработал свою миссию, становится источником специфической неопределенности для хозяйственной системы. Например, ценностная неопределенность обуславливает неопределенность по выбору институциональных реформ. Институциональная неопределенность порождает ситуацию тотального недоверия, общего контроля и подозрительности, отказ от каталлактики (Ф. Хайек) как от расширенного порядка человеческого сотрудничества. Рациональность выбора становится относительнее, а цены — равновеснее на более коротких интервалах. Это означает, что суммарный эффект действия системы имеет нелинейный вероятностный характер.

Ценности V имеют наиболее мощный потенциал снятия неопределенности, одновременно являясь основой общности и отличия элементов системы. Именно они служат непосредственной базой идентичности данного социума и придают институтам, технологиям, инновациям социальную окраску. Например, неолитическая революция дала максимальный прирост знаний и технологий за всю историю человечества на крайне узком биологическом и ресурсном потенциале благодаря возникновению фундаментальных социальных преимуществ человека, которые с этого времени приобрели характер безусловных ценностей. Ценностная идентичность является узкой в смысле соответствующих границ ее изменчивости. Выход за них означает преодоление в той или иной степени идентичности путем либо ее перехода к более высокому качеству, либо деградации и угасания.

Ценности носят преимущественно внерациональный характер, хотя и могут подвергаться некоторой рациональной интерпретации. Недаром Ф. Хайек высоко ценил замечание Д. Юма, что правила морали не являются выводами нашего ума. При этом Хайек писал: “Наши ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями, но формиру-

ются как составная часть процесса несознательной самоорганизации какой-то структуры или модели” [18, с. 47].

Современная концепция свободного (рационального) выбора ценностей не учитывает тот факт, что вызревание ценностей — это тысячелетний процесс становления социальной идентичности человека и человечества. Он требует колоссальных затрат сущностных сил человека, социального времени, энергии, ресурсов. Вся эта энергия в сжатом виде содержится в ценностной идентичности как ядре социальности. Манипулирование такой идентичностью угрожает социальным взрывом, способным разрушить общественные структуры любого уровня.

Институты I устойчиво структурируют взаимодействие субъектов с помощью установления и поддержания общих для них правил. Непосредственной сферой ответственности институтов как овеществленных ценностей является адаптивный потенциал хозяйственной системы, состоящей в способности хранить ценностную идентичность на более-менее широком интервале значений жизненно важных параметров путем защиты комплекса ценностей от неприемлемых изменений. Комплементарное единство ценностей и институтов можно охарактеризовать как широкую идентичность хозяйственной системы.

Доверие T является универсальным механизмом оптимизации информационных потребностей хозяйственной системы при ее функционировании как интегрированной целостности. Мы можем абстрагироваться от того, что само по себе доверие — сложная функция ценностно-институциональной идентичности, выбора и риска. На этом уровне снятия неопределенности возникает возможность существования денег как таковых. Национальную денежную единицу можно рассматривать как вещественное (отчужденное) проявление идентичности данного социума.

Выбор R — непосредственное проявление субъектного измерения системы. Его функцией является оптимальное использование ресурсов, а непосредственным проявлением — равновесная цена.

Риск r отвечает за общесистемное равновесие, выступая одновременно в качестве стимула и механизма профессионализации субъектов, что позволяет снижать индивидуальные оценки риска по сравнению со средними рыночными оценками.

Инновации i расширяют сферу выбора, свободы и ответственности субъектов за рамки равновесной цены, выступая как способ преодоления неопределенности первого рода S_1 при одновременном росте неопределенности второго рода S_2 .

Каждый механизм снижения неопределенности имеет имманентную сферу использования и ограничен действием эффекта нисходящей отдачи. С одной стороны, *излишне институционализированные* (зарегулированные) системы не являются инновационными и характеризуются относительно низкой социальной ценой свободы выбора и профессионализма (профессионализирующего риска). Примером могут быть государства Древнего Востока. С другой стороны, адаптационные возможности *институционально*

недостаточных систем низкие, а идентичность – слабая, поэтому они являются привлекательным объектом деструктивной конкуренции с целью захвата ресурсов и арбитража.

Существуют объективные границы эффективного снятия неопределенности с помощью механизмов рационального выбора. С одной стороны, сокращение сферы свободного выбора перегружает систему эндогенной неопределенностью. С другой – если механизмы свободного выбора распространяются на сферу базовых ценностей социума, то система может стать неустойчивой. Для ситуации современного тектонического социального сдвига характерен выход отдельных составляющих за рамки устоявшейся сферы действия, нарушения критериев.

Поскольку большая остаточная неопределенность порождает в хозяйственной системе необходимость и возможность ее ограничения за счет привлечения внешних факторов, внешние субъекты могут быть прямо заинтересованы в росте остаточной неопределенности более низких систем: например, за счет инкорпорации в эти системы несовместимых ценностей и институтов.

Совокупность механизмов снятия неопределенности может рассматриваться в контексте обеспечения доступа к информации и ресурсам с помощью деятельности, установления цели и выбора. Во многих ситуациях неопределенность можно трактовать как отсутствие необходимой информации. Если согласиться с точкой зрения Ф. Хайека, который важнейшими среди механизмов функционирования и развития хозяйственных систем считал неявные знания, то неопределенность может быть в дефиците явных и неявных знаний. Источниками неявных знаний являются такие явные источники знаний, как технологии, включая оборудование, документацию, ноу-хау, стандарты качества и менеджмента, лицензии, патенты, а также скрытые источники, возникающие из-за стохастического взаимодействия участников технологий.

Технологии, кроме вербальной и формализованной информации, формируют еще и латентное информационное поле невербальной информации и неявного знания. Следовательно, технологические разрывы порождают не только низший уровень производительности и использования ресурсов в отстающих хозяйственных системах, но и дефицит скрытого порядка, который предопределен факторами применения неявных знаний как ресурса координации субъектов. Неопределенность первого рода S_1 возникает именно по этой причине.

Если остаточная неопределенность хозяйственной системы первого рода S_1 (то есть та, которая в принципе может быть снята при достигнутом мировом уровне институционально-технологического развития) приблизительно отвечает имеющемуся институционально-ценностному, профессиональному и креативному потенциалу или даже превосходит его, то это свидетельствует о необходимости модернизации хозяйственной системы в направлении внешних критериев, что достаточно часто сопровождается риском размывания широкой идентичности.

Если остаточная неопределенность первого рода существенно ниже национального институционально-технологического потенциала, но динамика при этом неблагоприятная, то нужны реформы. Если же уровень и динамика указанного соотношения благоприятны для страны, то основную проблему составляет неопределенность второго рода S_2 , что говорит, с одной стороны, о лидерстве, а с другой — об отсутствии гарантий его удержания и неизбежной плате за это. Модель “управляемого хаоса” С. Манна [19] предусматривает использование возможностей для подавления невыгодных проявлений неопределенности второго рода S_2 и максимальной эксплуатации выгодных ее проявлений, включая также выталкивание на периферию национальных интересов. Такая модель может иметь право на существование только на коротких интервалах и при безусловном национальном технологическом лидерстве. Поэтому в условиях глобализации технологического развития долгосрочная эффективность модели управляемого хаоса крайне низкая.

Баланс неопределенности в экономике дает возможность установить отрезок жизненного цикла системы. Уменьшению энтропии (отрицательное значение первой производной $\left(\frac{dS}{dt}\right) \leq 0$ как остаточной неопределенности социально-экономической системы) соответствует восходящий отрезок траектории жизненного цикла. Если же остаточная неопределенность возрастает $\left(\frac{dS}{dt}\right) \geq 0$, то мы имеем дело с нисходящим отрезком жизненного цикла.

Возникает вопрос о способах измерения или хотя бы о признаках роста неопределенности в хозяйственной системе. Например, американские исследователи из Федерального банка Сент-Луиса считают, что относительно надежным индикатором динамики неопределенности в экономической системе является динамика корпоративных кассовых остатков. “Выход в ликвидность” дает возможность ожидать момента, когда неприемлемый уровень неопределенности трансформируется в приемлемый уровень риска. Такой подход позволяет дать более-менее рациональное объяснение современного глобального феномена гиперликвидности. Однако при этом исследователи указывают, что кроме фактора неопределенности на этот показатель влияют уровень конкуренции, особенно в секторе информационных технологий, финансирование научных исследований и разработок, фискальная нагрузка на бизнес.

В свете специфики анализируемого феномена есть смысл учитывать более широкий круг возможных эффектов. Такими могут быть непредвиденная потеря ресурсов или ухудшение доступа к ним, обесценивание ресурсов, рост ресурсоемкости ВВП, усиление общей конфликтности системы в результате ослабления ценностных и институциональных ограничений, нарастающие масштабы последствий ошибочного выбора и некомпенсированных рисков, расширение масштабов арбитражных операций. Частота таких событий свидетельствует о снижении эффективности использования ресурсов и технологий, массовой дезориентации субъектов и уменьшении для них текущей ценности кооперативного поведения.

Более-менее структурированная оценка динамики неопределенности хозяйственных систем может базироваться на формализованном описании потенциала упорядочения каждого из отдельных социальных механизмов снятия неопределенности и их совокупности. Остановимся на нем подробнее.

Будем считать, что *статичная* система является преимущественно детерминированной на данный момент, если выполняется условие:

$$F[f_1(V), f_2(I), f_3(T), F_4(R), f_5(r), f_6(i)] - (S_1 + S_2) > 0. \quad (2)$$

Динамичная система является детерминированной, если одновременно выполняется и условие:

$$\frac{dS}{dt} \leq 0. \quad (3)$$

Динамичная система находится на восходящем отрезке траектории жизненного цикла, если в момент времени t выполняется условие:

$$\frac{dF}{dt} > 0. \quad (4)$$

При этом условие (3) может не соблюдаться, то есть текущее состояние системы может быть в основном случайным, нежели детерминированным, однако общая тенденция заключается в росте факторов внутреннего порядка.

Относительный потенциал каждого отдельного компонента хозяйственной системы имеет вид:

$$\bar{f} = \frac{f_i}{Q}. \quad (5)$$

Чем выше относительный потенциал какого-либо отдельного фактора, тем больше система зависит от него. Начнем анализ с ценностных и институциональных факторов, допуская, что другие факторы незначительны и неизменны. Анализировать ценностные и институциональные факторы под одним названием “ценностно-институциональные” можно не всегда, поскольку их функции и стабильность во времени существенно различаются. Системе с преобладающей ценностной детерминацией как наиболее стабильной во времени соответствует условие:

$$\frac{f_1}{Q} > \frac{\sum_{k=2}^{k=6} f_k}{Q}, \quad (6)$$

то есть влияние упорядочения ценностного потенциала превышает совокупное влияние всех других социальных механизмов.

Для системы с исключительной ценностной детерминацией должно выполняться условие:

$$\frac{f_1}{Q} > \frac{\sum_{k=2}^{k=6} f_k}{Q}. \quad (7)$$

Системы с исключительной ценностной детерминацией (7) способны долго сохранять свою идентичность, если

$$\frac{dQ}{dt} = 0. \quad (8)$$

Если же

$$\frac{dQ}{dt} > 0, \quad (9)$$

то есть система является открытой, она может постепенно терять свою идентичность из-за того, что

$$\frac{df_1}{dQ} < 0, \quad (10)$$

поэтому

$$\frac{dS}{dt} > 0. \quad (11)$$

Условие (11) означает, что растет разрыв между хаотическим влиянием со стороны среды S и потенциалом упорядочения системы F . Неограниченный рост остаточной неопределенности ведет к деградации и распаду системы, поскольку интеграционный потенциал ценностной идентичности меньше энтропийного потенциала среды. Ценностная идентичность, поскольку она выражает стойкие, неизменные основания данной хозяйственной системы, по сути, не инновационна. Исключительная ориентация на ценности в условиях открытой системы и ограниченных ресурсов является энтропийно невыгодной стратегией.

Энтропийно относительно выгодной стратегией является более сложная ценностно-институциональная детерминация системы, поскольку институты могут меняться и усложняться под воздействием изменения среды, следовательно, может возрастать потенциал упорядочивания хозяйственной системы. В этом случае

$$\frac{df_2}{dt} > 0. \quad (12)$$

Если $\frac{df_2}{dt} > 0$, то $\frac{dF}{dt} > 0$, при условии, что $\frac{df_1}{dt} = 0$. (Случай $\frac{df_1}{dt} > 0$ требует дополнительного исследования). В такой системе груз адаптации ложится на институты, поэтому ценности могут быть стабильными. Другими словами, институты, которые оптимально меняются и усложняются, отражая усложнение среды, позволяют хозяйственной системе сохранять свою ценностную идентичность. Такую зависимость можно выразить и в негативной форме: открытая система не может сохранять свою ценностную идентичность, если она не изменяет свои институты, то есть если $\frac{df_2}{dt} = 0$, то $\frac{df_1}{dt} < 0$.

Внешне это выглядит как общий упадок морали и этики, когда из-за отсутствия гарантий доступа к ресурсам на исторически сформированных условиях участники хозяйственной системы все чаще ведут себя вопреки общепринятым запретам и ограничениям. В эпоху застоя системы государственного социализма в СССР расхождение между официальной моралью и реальными мотивами и практиками хозяйственной деятельности приобрело масштабы катастрофического разрыва, что заставило начать запоздалые реформы.

Однако слабая ценностная идентичность системы привела к ее быстрому распаду. Главной проблемой формирования динамичной и адаптивной идентичности целостной хозяйственной системы является соотношение интеграционных возможностей широкой идентичности и мощности дестабилизирующих факторов остаточной неопределенности S . В отличие от высокостабильной узкой идентичности V , широкая идентичность ($V + I$) может возрасти по сравнению с хаотичными влияниями среды за счет увеличения интеграционного потенциала институтов I :

$$\frac{df_1 + df_2}{dt} > \frac{dS}{dt}, \text{ учитывая, что } \frac{df_1}{dt} = 0.$$

В случае, когда $\frac{df_2}{dt} > \frac{dS}{dt}$ (институциональная составляющая идентичности подавляет любые процессы стихийного саморазвития), возникает риск абсолютной институциональной зарегулированности хозяйственной системы, что блокирует возможность фундаментальных инноваций. Если же при этом конкурирующие хозяйственные системы (как элемент внешней среды) имеют такую возможность, то внешняя среда как источник экзогенных инноваций превращается в фактор существенной неопределенности. Возникает риск потери широкой идентичности в результате институциональной деструкции. Примером реализации риска потери широкой идентичности может быть крах административно-командной системы в СССР.

Этот крах может рассматриваться как наглядный пример формального роста управляемости открытой системы за счет попытки целенаправленного снижения уровня технологического разрыва S_1 (модель догоняющего развития, которая была основана на принципе “догнать и перегнать”). В СССР это происходило на фоне скрытого роста S_2 таким образом, что $\frac{dS_1 + dS_2}{dt} > 0$,

хотя можно допустить, что $\frac{dS_1}{dt} < 0$, то есть технологический разрыв по некоторым отдельным направлениям сокращался. Сам термин “внедрение достижений науки и техники в производство” означал, что внутреннего спроса на обновление технологий на предприятиях СССР не было, и оставался только путь “внедрения” под давлением государства.

Исходная ценностная детерминация институтов является условием сочетания ценностных и институциональных фундаментов идентичности хозяйственной системы. В процессе длительного функционирования и развития системы в ее институциональной подсистеме с течением времени формируется устойчивая основа $I(V)$, позволяющая функционально детерминированным институтам $I(M)$ быть достаточно гибкими без угрозы для идентичности. Постепенное подчинение наиболее устойчивых институтов ценностным запретам и ограничениям позволяет сформировать ценностно-институциональный блок, в котором взаимно отождествляются ценности и институты. Происходит увеличение идентичности за счет скрытой экспансии ценностной идентичности по отношению к более широкому кругу хо-

заявленных ситуаций, действий и решений. Для описания феномена таких ценностно-подобных институтов перспективным может быть предложенное в свое время понятие “социально-экономический генотип”. Если субъекты подчиняются требованиям ценностно-подобных институтов, то их поведение носит для них естественный характер и не требует внешнего принуждения.

Таким образом, субъект как обязательный элемент механизма функционирования и развития сложной социально-экономической системы формируется на основании устойчивых ценностно-институциональных условий. Эти условия создают стабильные локусы социального пространства, позволяющие обеспечить ресурсы для воспроизводства идентичности субъекта в широкой системе социальных связей и зависимостей. Главное преимущество оптимально субъективированной системы заключается в том количестве неопределенности, которое она способна впустить внутрь без потери целостного качества. Это делает хозяйственную систему инновационной, гибкой и устойчивой. Если же она уязвима к какой-либо неопределенности в результате отсутствия надлежащих субъектных механизмов ее снятия, то она теряет внутренние источники саморазвития и может существовать лишь за счет максимальной изоляции от внешней среды.

Мы исходим из того, что координирующая мощьность любой системы институтов конечна. Если масштабы и сложность экономики превышают этот порог, то система в результате проникновения в нее неопределенности как первого, так и второго уровней стихийно переходит к хаотическому сценарию упрощения и сужения связей и зависимостей. Можно ли утверждать, что глобальная экономика подошла к границам существующего институционального порядка? Если считать, что интеграционный потенциал линейно зависит от количества субъектов, то разрыв не должен возникать: все субъекты имеют равный доступ к институциональным активам в виде правил и стандартов, и поэтому система работает как согласованная (в конечном счете). Другими словами, для институциональной системы все равно: или десять субъектов действуют на рынке, или сто, или миллион — правила для всех одинаковые.

Кроме количественной существует еще и качественная характеристика хозяйственной системы, которую можно соединить с потенциалом установления двух- и многосторонних связей между субъектами. Именно в возможности комбинировать такие связи лежит одно из главных преимуществ глобализации: новые возможности рекомбинации организационных механизмов, ресурсов и технологий. Однако уже в самом математическом понятии комбинирования содержится главная угроза для глобального порядка: сложность системы может возрасти по законам комбинаторики, включающим в себя еще и факториальную функцию $f(n) = n!$.

Если допустить, что благодаря глобальным рынкам, информационным сетям, либерализации условий международной торговли и движения капитала, а также рыночным трансформациям в странах государственного социализма количество взаимодействующих субъектов за последние 25 лет увели-

---

чилось на порядок (в 10 раз), то сложность системы могла вырасти на несколько порядков (в 100 и больше раз). Можно ли считать, что система институтов, имеющая индустриальное происхождение, способна эффективно снижать неопределенность такого широкого и сложного финансово-экономического пространства? Скорее всего, сбои, шоки и кризисы неизбежно будут сопровождать взаимную адаптацию фактической сложности глобальной экономики и интеграционных возможностей ее институционального порядка.

Одним из возможных путей эволюции глобальной системы в таком направлении является путь упрощения, локализации и регионализации мировой экономики. В этом случае снижается нагрузка на институциональную составляющую, хотя все происходит за счет потери какой-то доли уже созданного глобального потенциала. Так, А. Гриценко считает, что глобальные шоки и кризисы являются не текущей коррекцией структур и пропорций, которые сложились в мировой экономике в ходе глобализации, а существенным признаком современной эпохи, который неразрывно связан с глубинной сущностью происходящих изменений [9]. Данные процессы указывают на наличие внутренних ограничений глобализации как таковой в виде источников неопределенности и фундаментальных цивилизационных рисков.

Выводы

Так называемый “новый протекционизм”, который появляется в повестке дня практических действий и концептуальных моделей экономической политики США, может трактоваться как попытка прекратить опасный рост неопределенности первого и второго уровней путем реанимации субъектных основ деятельности государства на мировой арене и внутри страны. Это может выглядеть как национальный эгоизм, отказ от исторической миссии США и ответственности перед всем миром.

Но в действительности историческая миссия не может выполняться страной, которая теряет свою историческую идентичность и, соответственно, субъектность. Тарифная и таможенная политика представляет собой своеобразную мембрану, защищающую внутреннюю среду хозяйственной системы от разрушающих влияний со стороны внешней среды. Суверенитет государства — это, прежде всего, сознательная защита своей субъектности, включая внутреннюю легитимность. Реальность “главной последовательности” социальных механизмов может быть доказана, если Д. Трамп обратится к исконным ценностям американского народа и, соответственно, к идентичности как основе самооценки нации, ее целей и предпочтений.

Глобализация как процесс, который обязательно генерирует неопределенность, не приводит к тотальному обесцениванию существующих фундаментальных ценностно-институциональных структур, а вынужден их сохранять и использовать. В контексте институционального понимания глобализации “новый протекционизм” Д. Трампа — это не аномалия, а объективно обусловленная реакция на чрезмерную неопределенность социальных, финансовых, торговых и геополитических последствий глобальных изменений. США почувствовали, что глобальная десубъективация как тотальная цен-

ностно-институциональная деструкция может начаться именно с них, что крайне опасно для всех участников глобальных изменений. Если колоссальный цивилизационный ресурс Соединенных Штатов Америки не будет использоваться на основе четкой субъектности страны (то есть свободы выбора и ответственности) и национальной идентичности, то это может случайно или закономерно привести к мировой катастрофе — финансовой, технологической, социальной или геополитической.

Будет ли означать “новый протекционизм” как изменение подходов к оценке выгод и потерь от глобализации со стороны США начало процессов деглобализации? Вряд ли. Скорее всего, мы увидим запуск модели “Глобализация 2.0”, когда формальное распределение ответственности между суверенными государствами и международными институтами будет скорректировано в соответствии с фактическим распределением ресурсов и экономической власти в современном обществе. Новая модель глобализации продолжит большинство процессов углубления положительной взаимозависимости, но на основе приспособления суверенной идентичности и социальной ответственности национальных государств к новым технологическим и институционально-социальным реалиям.

Список использованной литературы

1. *Crafts N.* Whither Economic Growth? // *Finance & Development*. — 2017. — Vol. 54. — № 1. — P. 2–6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2017/03/crafts.htm>.
2. *Krugman P.* End this depression now! — Princeton : W.W. Norton & Company, 2012. — 272 p.
3. *Blanchard O.* Where Danger Lurks // *Finance & Development*. — 2014. — Vol. 51. — №. 3. — P. 28–32.
4. *Ferrero A., Gertler M., Svensson L.* Current account dynamics and monetary policy / National bureau of economic research // Working Paper 13906. — April. — 2008.
5. *Legg A., Prasad N., Robinson T.* Global imbalances and the global saving glut // A panel data assessment research discussion paper. — November. — 2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.rba.gov.au/publications/rdp/2007/pdf/rdp2007-11.pdf>.
6. *Obstfeld M., Rogoff K.* Global Imbalances and the Financial Crisis: Products of Common Causes. — Santa Barbara : University of California, Berkeley and Harvard University. — November. — 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://eml.berkeley.edu/~obstfeld/santabarbara.pdf>.
7. *Borio C.* The financial cycle and macroeconomics: What have we learnt? // BIS Working Papers. — № 395. — December. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.bis.org/publ/work395.pdf>.
8. *Гец В.М., Гриценко А.А.* Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным) // *Экономика Украины*. — 2013. — № 6. — С. 4–19.
9. *Гриценко А.* Глобальный кризис как форма современной финансово-экономической динамики // *Экономика Украины*. — 2010. — № 4. — С. 37–46.

---

10. Сиденко В. Модификация мировой экономики под влиянием новейших факторов глобального трансформационного кризиса // Экономика Украины. – 2012. – № 5. – С. 18–31.

11. Артёмова Т. Методологічна анатомія глобальної фінансово-економічної кризи // Економічна теорія. – 2011. – № 2. – С. 16–33.

12. Білорус О. Сучасна світова фінансово-економічна криза як прояв тотальної кризи системи глобалізму [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://soskin.info/ea/2008/11-12/200801.html>.

13. Erbas N.S., Sayers C.L. Institutional Quality, Knightian Uncertainty, and Insurability: A Cross-Country Analysis // IMF Working Papers. – July. – 2006 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2006/wp06179.pdf>.

14. Kliesen K.L. Uncertainty and the Economy [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <https://www.stlouisfed.org/publications/regional-economist/april-2013/uncertainty-and-the-economy>.

15. Попов В. Global Imbalances: Non conventional View // CEFIR and NES Working Paper. – 2010. – № 160 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : file:///C:/Documents%20and%20Settings/ASUS_BRAIN/My%20Documents/Downloads/WP160.pdf.

16. Richter R. Efficiency of Institutions From the Perspective of New Institutional Economics With Emphasis on Knightian Uncertainty [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2105604.

17. Яременко О.Л. Довіра як інформаційний процес / Творення простору суспільної довіри в Україні XXI століття : матер. міжнар. наук.-практ. конф. – К. : ДВНЗ “Університет банківської справи”, 2016. – С. 289–291.

18. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. – М. : Изд-во “Новости”, 1992. – 304 с.

19. Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought [Електронний ресурс]. – Режим доступа : [file:///C:/Documents%20and%20Settings/ASUS_BRAIN/My%20Documents/Downloads/ADA528321%20\(1\).pdf](file:///C:/Documents%20and%20Settings/ASUS_BRAIN/My%20Documents/Downloads/ADA528321%20(1).pdf).

References

1. Crafts N. Whither Economic Growth? *Finance & Development*, 2017, Vol. 54, No. 1, pp. 2–6, available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2017/03/crafts.htm>.

2. Krugman P. End this depression now! Princeton, W.W. Norton & Company, 2012.

3. Blanchard Where Danger Lurks. *Finance & Development*, 2014, Vol. 51, No. 3, pp. 28–32.

4. Ferrero A., Gertler M., Svensson L. Current account dynamics and monetary policy. National bureau of economic research. Working Paper 13906, April, 2008.

5. Legg A., Prasad N., Robinson T. Global imbalances and the global saving glut. A panel data assessment research discussion paper. November, 2007, available at: <https://www.rba.gov.au/publications/rdp/2007/pdf/rdp2007-11.pdf>.

6. Obstfeld M., Rogoff K. Global Imbalances and the Financial Crisis: Products of Common Causes. Santa Barbara: University of California, Berkeley and Harvard

University, November, 2009, available at: <http://eml.berkeley.edu/~obstfeld/santabarbara.pdf>.

7. Borio C. The financial cycle and macroeconomics: What have we learnt? BIS Working Papers, No. 395, December, 2012, available at: <http://www.bis.org/publ/work395.pdf>.

8. Heyets V.M., Gritsenko A.A. *Vykhod iz krizisa (Razmyshleniya nad aktual'nyim v svyazi s prochitannym)* [The way out from a crisis (Reflections about actual things after the reading)]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2013, No. 6, pp. 4–19 [in Russian].

9. Gritsenko A. *Global'nyi krizis kak forma sovremennoi finansovo-ekonomicheskoi dinamiki* [The global crisis as a form of the modern financial economic dynamics]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2010, No. 4, pp. 37–46 [in Russian].

10. Sidenko V. *Modifikatsiya mirovoi ekonomiki pod vliyaniem noveishikh faktorov global'nogo transformatsionnogo krizisa* [A modification of the world economy under the action of the newest factors of the global transformation crisis]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2012, No. 5, pp. 18–31 [in Russian].

11. Artomova T. *Metodolohichna anatomiya global'noi finansovo-ekonomichnoi kryzy* [Methodological Anatomy of the Global Financial and Economic Crisis]. *Ekonomichna teoriya – Economic Theory*, 2011, No. 2, pp. 16–33 [in Ukrainian].

12. Bilorus O. *Suchasna svitova finansovo-ekonomichna kryza yak proyav total'noi kryzy systemy globalizmu* [The current world economic crisis as a manifestation of the total crisis of the system of globalism], available at: <http://soskin.info/ea/2008/11-12/200801.html>.

13. Erbas N.S., Sayers C.L. Institutional Quality, Knightian Uncertainty, and Insurability: A Cross-Country Analysis. IMF Working Papers, July, 2006, available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2006/wp06179.pdf>.

14. Kliesen K.L. Uncertainty and the Economy, available at: <https://www.stlouisfed.org/publications/regional-economist/april-2013/uncertainty-and-the-economy>.

15. Popov V. Global Imbalances: Non conventional View. CEFIR and NES Working Paper, 2011, No. 160, available at: <http://www.cefir.ru/index.php?l=eng&id=35&yf=2011>.

16. Richter R. Efficiency of Institutions From the Perspective of New Institutional Economics With Emphasis on Knightian Uncertainty, available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2105604.

17. Yaremenko O.L. *Dovira yak informatsiinyi protses, v: Tvorennaya prostoru suspil'noi doviry v Ukraini XXI stolittya* [Trust as an information process, in: Creation of a space of public trust in Ukraine of the XXI century]. Proceedings from International Scientific and Practical Conference. Kyiv, SHEI “University of banking affairs”, 2016, pp. 289–291 [in Ukrainian].

18. Hayek F.A. *Pagubnaya Samonadeyannost'. Oshibki Sotsializma* [The Fatal Conceit. The Errors of Socialism]. Moscow, “Novosti”, 1992 [in Russian].

19. Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought, available at: [file:///C:/Documents%20and%20Settings/ASUS_BRAIN/My%20Documents/Downloads/ADA528321%20\(1\).pdf](file:///C:/Documents%20and%20Settings/ASUS_BRAIN/My%20Documents/Downloads/ADA528321%20(1).pdf).